

В.Г. Моисеева (Москва, Россия)

**Военные и мирные будни «веселого солдата»
Великой Отечественной войны. В.П. Астафьев.**

Аннотация: В статье рассматривается образ «веселого солдата» с точки зрения его значения для понимания особенностей художественного мировоззрения В.П. Астафьева. Повесть «Веселый солдат» исследуется в контексте эволюции военной темы в творчестве писателя, показано, как в повести на автобиографическом материале Астафьев создает образ общенационального масштаба, содержащий в себе ответы на вопросы, задаваемые самим писателем и обращенные к нему, к его прозе, прежде всего связанной с темой Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Виктор Астафьев, Великая Отечественная война, «военная» проза, лейтенантская проза, натурализм, повествовательная структура

V.G. Moiseeva (Moscow, Russia)

**Military and peace weekdays of the “merry soldier”
in the great Patriotic war. V.P. Astafiev**

Abstract: The article regards the image of the «merry soldier» through its significance for understanding the features of V. P. Astafiev’s artistic worldview. The story «The Merry soldier» is examined in the context of the evolution of the military theme in the writer’s work, shows how Astafiev creates on the autobiographical material the national scale image, containing self asking questions primarily related to the theme of the great Patriotic war.

Key words: Viktor Astafyev, theme of the Great Patriotic War, “military” prose, “Lieutenant’s” prose, naturalism, narrative structure

В 1997–1998 гг. – при жизни писателя и при его участии – вышло в свет 15-томное собрание сочинений, в котором представлены все основные художественные произведения, публицистика и эпистолярное наследие В.П. Астафьева. Если собрать все литературоведческие работы, критические статьи, посвященные творчеству Астафьева, материалы юбилейных конференций, отзывы читателей, – по объему это издание будет немногим меньше его собрания сочинений. Писатель не был обделен вниманием читателей и критики при жизни, о нем продолжают писать и, что особенно важно, спорить сегодня. Споры идут не только среди критиков, литературоведов, но и среди читателей. Обращает на себя внимание и даже

несколько удивляет накал страстей в этих дискуссиях, резкость интонаций и защитников, и обвинителей, как будто унаследованная от самого писателя, который мог быть весьма несдержан в своих высказываниях.

Исследовательница творчества В.П. Астафьева красноярский литературовед Г.М. Шленская в 2004 г. в своем выступлении на международной научной конференции «Феномен В.П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века» (в рамках Астафьевских чтений, проводимых в Красноярске), оценивая состояние и перспективы астафьеведения, говорит о том, что «во второй половине XX века В. Астафьев – один из самых полемических писателей»¹. Это утверждение с полным правом можно повторить в 2020 г. Причина, видимо, в самой природе писательского мировидения Астафьева, в особенностях эволюции его творчества.

На первый взгляд, поздний Астафьев (конца 1980-х – 1990-х гг., времени появления повести «Печальный детектив», романа «Прокляты и убиты») – писатель с совершенно другой интонацией и системой ценностных ориентиров, чем тот, которого полюбили читатели «Последнего поклона», «Царь-рыбы», «Пастуха и пастушки». Как отмечает П. Басинский, многих поразило «странный душевный надлом», случившийся с писателем, примерно начиная с «Печального детектива»². Однако противопоставление Астафьева раннего периода и позднего, – неважно, где ставится плюс или минус в оценке его позиции, – возможно лишь как первая читательская реакция. В этом плане показательна данная Н.Н. Архангельской характеристика изменения восприятия романа «Прокляты и убиты» при знакомстве с ним и повторном прочтении: «Первое знакомство с романом производит отталкивающее впечатление из-за обилия натуралистических сцен и подробностей, вульгарных и более “сильных” выражений. Однако при повторном прочтении... приходится признать, что каждая мелочь работает на воплощение авторского замысла. Суть его – в развитии мысли, высказанной еще в повести “Пастух и пастушка”...»³. За внешним различием произведений разного периода открывается внутреннее единство, определяемое авторской идеей, концепцией мира, которая по своей сути диалектична. Это диалектическое единство вбирает в себя оппозиционные ряды понятий, чем и определяется внутренняя полемичность творческого письма писателя. Г.М. Шленская выделяет следующие оппозиции как наиболее характерные для прозы Астафьева: достоверность – тенденциозность, граничащая порой с субъективизмом; натуралистическая жестокость – поэтические символы; открытая публицистичность – щедрая образность; глобальность обобщений – внимание к жизни микромиров как еще нами не осознанной великой сложности и красоте жизни, которую нужно защитить; богатство сатирической палитры – лиризм; коробящая слух ненормативная лексика – магия, волнующая музыка астафьевского слова, уподобляющая целые страницы повествования стихотворениям в прозе⁴. В завершение этого перечисления исследовательница замечает, что ряд контрастов, характеризующих манеру астафьевского письма, может

¹ Шленская Г.М. Некоторые проблемы изучения феномена Виктора Астафьева: Доклад на Международной научной конференции «Феномен В.П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века»: chitai.kraslib.ru/polzd.html?id_aut=20

² Басинский П. Контуженная муза. Три очерка о Викторе Астафьеве // Басинский П. Классики и современники. 2013. Электронная версия: www.litmir.me/bd/?b=189404. С. 25.

³ Архангельская Н.Н. Книга-память о войне Виктора Астафьева // Вестник Томского государственного университета. 2000. Вып. 3(19). С. 40.

⁴ Шленская Г.М. Некоторые проблемы изучения феномена Виктора Астафьева: Доклад на Международной научной конференции «Феномен В.П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века»: chitai.kraslib.ru/polzd.html?id_aut=20

быть продолжен. И мы согласимся с ней в этом: можно дополнить список, можно предложить другие определения, однако, на наш взгляд, важен сам принцип контрастности как характерологическая черта прозы Астафьева, притом что в разных произведениях и в разные периоды творчества акцент может смещаться в сторону одного из элементов оппозиции, из-за чего и создается впечатление, условно говоря, отступничества Астафьева – отречения его от более ранних взглядов, пересмотра художественной системы в целом.

Контрастность как определяющий повествовательную структуру прием сразу бросается в глаза при прочтении «Веселого солдата» – последней повести и одного из последних произведений Астафьева, повести автобиографической, над которой он работал десять лет: в 1987–1997 гг.

Прежде всего это контрастность понятий, формирующих центральный образ и вынесенных в заглавие, – веселый солдат; контрастность – смысловая и даже интонационная – заглавия с посвящением и эпиграфом:

Светлой и горькой памяти дочерей моих Лидии и Ирины.

Боже! пусто и страшно становится в Твоем мире! (Н.В. Гоголь)

Астафьев создает образ веселого солдата, вызывающий фольклорные ассоциации, кровно связанный с образом, можно сказать, «главного» солдата времени Великой Отечественной войны – Василия Теркина, но помимо литературных ассоциаций при чтении повести возникает другой соотносительный ряд, встраивающий повесть в первичную реальность: черты астафьевского героя начинаешь узнавать в реальных, исторических личностях. Конечно, в первую очередь это люди военного поколения. Нам на память пришли имена писателей-фронтовиков В.П. Некрасова, К.Д. Воробьева, В.Л. Кондратьева – каждому из них так или иначе свойственна эта веселость астафьевского солдата.

Она проявляется в мушкетерском задоре Некрасова, с которым он боролся с ложной патетикой произведений о Великой Отечественной войне¹, с идеей на месте Бабьего Яра в Киеве разбить парк отдыха. Проявляется в истории его отъезда в эмиграцию в 1974 г.: при прохождении таможенного контроля в киевском аэропорту Некрасов медаль «За оборону Сталинграда» прикрепил к титульному листу книги «В окопах Сталинграда», поскольку удостоверение на медаль, без которого запрещено вывозить награду, было потеряно.

Проявляется лукаво-грустная улыбка веселого солдата в новеллистике К. Воробьева второй половины 1940–1960-х гг., когда, используя штампы социалистического реализма, писатель волонтаристски «исправляет» реальность – в этих произведениях всегда счастливый конец.

Проявляется в образах героев Кондратьева, прежде всего Сашки, герое одной из повестей – и, как ни парадоксально, в трагическом уходе писателя из жизни 21 сентября 1993 г. Кондратьев застрелился из припрятанного трофейного пистолета. Это уже веселость отчаяния, последнего выбора.

При чтении повести нам на память пришли одни имена, но этот ряд может быть достроен и иначе.

Веселость астафьевского солдата – вызов всему тому, что подавляет человека, отнимает у него право на радостную, счастливую жизнь (война, равнодушие со стороны властей предрержащих, обстоятельства жизни). Веселость как проявление свободы, а значит, жизнеутверждающее начало в Твоем мире, где становится «пусто и страшно»,

¹ Имеется в виду статья В.П. Некрасова 1959 г. «Слова “великие” и “простые”», вызвавшая острую полемику и разного рода обвинения в адрес автора.

где дети уходят из жизни раньше родителей, где все еще нужны солдаты, чтобы защищать жизнь. Таким образом раскрывается диалектическое единство мысли, выраженной антитезами понятий заглавия, заглавием с посвящением и эпитафией, которые дают представление о трагической компоненте образа «веселого солдата».

Астафьев на автобиографическом материале создает образ общенационального масштаба, содержащий в себе ответы на вопросы, задаваемые самим писателем и обращенные к нему, к его прозе, прежде всего связанной с темой Великой Отечественной войны. Мы остановим внимание на нескольких, можно сказать, веховых произведениях военной тематики Астафьева, чтобы показать место повести «Веселый солдат» в эволюции военной темы в творчестве писателя.

Астафьев неоднократно писал, говорил об истории создания своего первого рассказа. Достаточно подробно эта история изложена в юбилейной – к 60-летию выхода в свет – статье в газете «Красноярский рабочий», где рассказ был опубликован в 1951 г.¹ Для нас в этой истории важно несколько моментов. Рассказ «Гражданский человек» (позднее переименован в «Сибиряк») появился из желания противостоять «сочинительству» о войне, поэтому Астафьев пишет произведение, где все «сплошная правда» и герой, Матвей Савинцев, реальный человек, «сотоварищ» его, как говорил сам писатель, по фронту. Рассказ печатался частями в семи номерах газеты, и в публикации возник перерыв в две недели из-за почти комичной ситуации (которая, правда, могла обернуться и драматично), когда партийные органы обвинили писателя в, говоря современным языком, литературном харассменте: «...прочитав в рассказе фразу главного героя: “Мало нашего брата осталось в колхозе, вот и стали мы для всех баб хороши”, остановили ее (публикацию. – В.М.), обвинив автора в непочтительном, даже безнравственном, отношении “к нашим советским женщинам”. Вмешались читатели, поверившие в неподдельную искренность автора и признавшие его правду о войне...»². При публикации своего первого произведения Астафьев столкнулся с тем, что будет сопровождать выход в свет многих поздних его произведений: обвинение в очернительстве действительности, неуважении к женщине (как же так – в «Веселом солдате» жену свою иначе как бабой и не называет!), к родине, народу.

В первом рассказе (в большей степени в доработанном варианте 1959 г., когда и появилось заглавие «Сибиряк») видим те черты прозы Астафьева, которые сближают ее с прозой «второй волны», или так называемой лейтенантской прозой: ориентация на собственный военный опыт, внимание к бытовой детали, отказ от героической патетики (в чем, безусловно, проявляется продолжение толстовской традиции в подходе к изображению войны). Для писателя было важно при написании первого рассказа показать простого, обычного человека на войне – отсюда и первоначальное название. Здесь есть уже и то, за что будут ругать Астафьева после выхода в свет романа «Прокляты и убиты», – внимание к бытовой стороне военной жизни. Конечно, не в том масштабе, как в «Прокляты и убиты», но надо учитывать время написания рассказа: дело не только в цензуре, которая не пропустила бы такого рода произведение в 1951 г. и позднее, в 1959 г., когда писатель все-таки переработал искореженные цензурой в первом издании эпизоды, но и в том, что читателями были прежде всего сами фронтовики, много видевшие между строк описания, о чем свидетельствует и история публикации произведения.

¹ См.: www.krasrab.com/archive/2011/06/30/02/view_article

² Там же.

Следующая важная веха «военной» прозы Астафьева – повесть «Пастух и пастушка», к которой Астафьев возвращался на протяжении многих лет, под последней редакцией стоят три даты: 1967 (начало работы относится к еще более раннему времени – 1954 г.) – 1971 и 1989 г. Сам писатель признавался в том, что работается трудно, в письме от 23 ноября 1967 г. критику и другу А.Н. Макарову: «Сложное у меня сейчас чувство – боюсь перечитывать, что написал. Много сомнений в душе, что-то не так вышло, как задумывалось, что-то тянет на слезу и сентиментальность повесть-то, а настрой ее беспощадно-суровый. Это должен быть вопль, плач о погубленной любви целого поколения, и писать об этом посредственно, даже хорошо нельзя, только очень хорошо, только отлично, иначе не стоит и браться. Я столько лет готовился к этому, боялся повести и сейчас боюсь, перечитавши ее, – разочарования боюсь. Неделки, пропуски, корявости, неточности меня не пугают – у меня будет время пощупать каждую строчку, переписать, если потребуется и десять, и двадцать раз, но получилось ли главное?»¹

Что же было главным? В этот период, с конца 1960-х гг., в «военной» прозе очевидной становится тенденция к философскому осмыслению изображаемого. И повесть Астафьева – ответ писателя на вопрос, что есть война в жизни человека. Война в понимании Астафьева нечто противоположное жизни, с войны нельзя вернуться. Должно было пройти время, чтобы стала возможна такая оценка. Интересный парадокс: повесть Астафьева тогда не поняли и не приняли как раз фронтовики. Временная дистанция дает разную фокусировку взгляда на историческом прошлом: для многих, как раз не принявших повесть Астафьева, остается воспоминание о героическом прошлом, чему способствовала официальная пропаганда, эпические романы А.Б. Чаковского. Сейчас подобное неприятие звучит в оценках внуков, воспитанных на рассказах тех фронтовиков. Приведем одно из таких высказываний читателя: «Раздражает концовка повести. Герой встретил любимую на войне, получил легкое ранение, попал в госпиталь... Казалось бы, лечись, выживи, попроси отпуск, стремись к свету, к жизни... Но по прихоти автора герой впадает в странную хандру. И этот момент самый слабый в повести, видно, что это рукотворное состояние. Сам текст не убеждает в этом. В итоге герой умирает. Все фронтовики, с которыми я общался, были жизнелюбивыми, активными, а здесь какая-то размазня. Наоборот, смотрел на них и удивлялся, какие они молодцы – столько внутренней силы, любви к жизни. А в этой повести все наоборот», – вместе с тем автор рецензии признает: «Но написано здорово!»²

Если рассказ «Гражданский человек» полемически направлен против «литературщины» в изображении войны, то повесть «Пастух и пастушка» – это разоблачение романтизации войны в любом виде, что заявлено в эпиграфе к части первой: «“Есть упоение в бою!” – какие красивые и устарелые слова!.. Из разговора, услышанного на войне». Не назван автор цитаты, но, конечно, узнаваем: в полемику с Пушкиным вступает некто неназванный – участник войны нового времени. Эта полемика пронизывает всю ткань повествования, именно поэтому повесть подчеркнута литературна, что задано в определении жанра – современная пастораль, эпиграфах, делении на главы, имеющие заглавия, использовании символики и приема сна, образах героев, важную роль в создании которых играют литературные реминисценции и аллюзии. Сложившийся в литературе героико-романтический миф о войне Астафьев разоблачает, создавая именно литературный

¹ Астафьев В.П. Нет мне ответа...: Эпистолярный дневник 1952–2001 / Сост., предисл. Г. Сапронова. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. 720 с.: ил.: massolit.top/book/net-mne-otveta-epistoljarnij-dnevnik-1952-2001/reading

² Цит по: audiolib.com/books/155316/reviews

образ войны как состояния мира, где нарушены изначальные законы жизни, где невозможно выжить, потому что война изменяет человеческую природу. Важную роль в раскрытии этой мысли играет символический образ немца, представляющий как воплощение самой войны: «Огромный человек, шевеля громадной тенью и развевающимся за спиной факелом, двигался, нет, летел на огненных крыльях к окопу, круша все на своем пути железным ломом. Сыпались люди с разваленными черепами, торной тропой по снегу, стелилось, плыло за карающей силой мясо, кровь, копоть... Страшен был тот, горящий, с ломом. Тень его металась, то увеличиваясь, то исчезая, он сам, как выходец из преисподней, то разгорался, то темнел, проваливаясь в геенну огненную. Он дико выл, оскаливая зубы, и чудились на нем густые волосы, лом уже был не ломом, а выданным с корнем дубьем. Руки длинные с когтями... Холодом, мраком, лешачьей древностью веяло от этого древнего чудовища»¹. Конечно, перед нами не восприятие эпизода боя участником; автор выходит за рамки реалистического и психологического правдоподобия, но упрекать его за это можно, только если забыть о философской направленности произведения: он ищет художественные средства изображения самой сути войны, ее античеловеческой природы. Той же цели служат натуралистические детали, например, в описании мародерства старшины Мохнакова, смерти Бориса Костяева, выделяющиеся своей подчеркнутой антиэстетичностью на фоне истории любви Люси и Бориса, повествование о которой пронизано поэтическими образами.

Н.Л. Лейдерман, анализируя астафьевскую прозу пермского периода (и прежде всего рассказ «Ясным ли днем» и повесть «Пастух и пастушка»), пришел к выводу, что именно в Перми у Астафьева сложилась художественная система – «со своим кругом героев, живущих в огромном народном “рое”, с острой сердечной чуткостью к радостям и гореванию людскому, с какой-то эмоционально распахнутостью тона повествователя, готового к веселью и не стыдящегося слез. Эту художественную систему можно условно назвать “натуралистическим сентиментализмом”»².

В этот период окончательно оформляется внутренняя тема военной прозы Астафьева. Можно условно назвать ее темой невозвращения. Она получит развитие в самом полемичном произведении Астафьева – незавершенном романе «Прокляты и убиты» (1990–1994), что подчеркивается уже в заглавии романа, объясняемом в тексте: «И на одной стихире, баушка Секлетинья сказывала, писано было, что все, кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство, будут Богом прокляты и убиты».

Если использовать предложенное Н.Л. Лейдерманом обозначение художественного стиля писателя – «натуралистический сентиментализм», можно утверждать, что в романе получают развитие принципы более ранней прозы, только в «Пастухе и пастушке» раскрытие трагизма судеб героев требовало равновесия этих двух начал, а в романе «Прокляты и убиты» акцент перенесен на натурализм. И. Дедков писал, что хотя автор старается не забывать о своей литературной цели – создании самого правдивого романа о войне, но «при всем при том кажется, что главным для него остается сама первоначальная реальность, пахнущая серой, но еще сильнее “гнилью, прахом и острой молодой мочой”», и писатель изобразил жизнь в армейской казарме «с прилежанием натуралиста и тщанием физиолога»³.

¹ Астафьев В.П. Пастух и пастушка // Астафьев В.П. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1991. С. 294–295.

² Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. Т. 2: 1968–1990. М., 2003. С. 99.

³ Дедков И.А. Объявление войны и назначение казни. Люди 30–40-х годов перед судом поздней военной прозы // Дедков И.А. Любить? Ненавидеть? Что еще?.. М., 1995. С. 116–117.

В плане воссоздания общей картины войны роман Астафьева играет роль своего рода «подстрочника» ко всей предыдущей военной прозе: автор концентрирует внимание на убийственном в прямом смысле этого слова быте войны (вши, голод, холод, болезни), бесчеловечности отношения к людям, что дало основание чешскому исследователю творчества Астафьева М. Заградке определить творческий метод автора романа «Прокляты и убиты» как «гиперкритикореализм»¹.

За эту излишнюю натуралистичность (а кто-то из критиков именовал это по-другому – очернительство) критиковали, ругали Астафьева, ставя ему в пример его же более ранние произведения, произведения других писателей-фронтовиков, где трагизм войны также раскрывается, но при всем том в описании соблюдаются определенные эстетические рамки. Нам представляется, что, сравнивая произведения разных лет, посвященные Великой Отечественной войне, очень важно учитывать непосредственного адресата их: роман, написанный в 1990-е гг., обращен к поколению, для которого война стала историей, к поколению, которое в силу этого не боится войны. Чтобы понять, какую колоссальную задачу ставил перед собой писатель при создании этого произведения, и то, к кому обращено заглавие его, вспомним одно из наиболее цитируемых высказываний писателя об отношении к войне: «Те, кто врет о войне прошлой, приближают войну будущую. Ничего грязнее, жестче, кровавее, натуралистичнее прошедшей войны на свете не было. Надо не героическую войну показывать, а пугать, ведь война отвратительна. Надо постоянно напоминать о ней людям, чтобы не забывали. Носом, как котят слепых, тыкать в нагаженное место, в кровь, в гной, в слезы, иначе ничего от нашего брата не добьешься» (из частного письма, 13 декабря 1987 г.). Вот и получается, что заглавие романа – предупреждение всем тем, кто врет о войне, героизирует ее, ведь и они сеют на земле «смуту, войны и братоубийство». В том числе это обращение автора и к самому себе.

Авторская идея романа «Прокляты и убиты» прочитывается читателями и критиками по-разному. Встречается мнение, что это первое произведение, где Великая Отечественная война оценивается с православных позиций; вместе с тем отмечают незавершенность астафьевской концепции судьбы русского народа, что определило и невозможность для писателя закончить роман. Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий говорят, что представленная Астафьевым картина того, «как в атмосфере Великой Лжи расцветают самые отвратительные пороки, оформляется целое сословие паразитов и откровенных негодяев», закономерно вызывает вопрос: «Однако же, как они выстояли? Как сумели победить Гитлера? Ведь что там ни говорите, а 9 мая 45-го года – самый счастливый и самый святой день в российской истории XX века». Предложенный в романе ответ исследователям представляется не только неубедительным, но и опасным, поскольку «астафьевская религиозность сродни его же телесной стихии прежде всего игнорированием личностных ценностей. В романе “Прокляты и убиты” выстраивается миф о народной общности вне личности, вне индивидуального самосознания – основанный на доличностных (телесность) или надличностных (вера) ценностях». И далее исследователи утверждают: «Противоречия, которые свойственны роману “Прокляты и убиты”, в той или иной мере проявились и в последующих произведениях Астафьева – в повестях “Так хочется жить” (1996) и “Веселый солдат” (1998)»².

¹ *Zagradka M. Dilo Viktora Astafjeva // Studie rusisticke: Sbornic katedry ruskeho jazyka PdF VSP v Hradci Kralove. Hradec Kralove: Gaudeamus, 1998. S. 101–111.*

² *Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы. С. 126, 131, 132.*

Мы не ставим своей задачей подробное обсуждение предложенного исследователями прочтения романа Астафьева, но нам представляется, что несколько небрежная оценка последующих произведений писателя, в частности повести «Веселый солдат», не позволила им увидеть, что в этом произведении, связанном с романом и со всем предыдущим творчеством писателя, авторская идея единства как раз обретает художественно убедительное воплощение в образе веселого солдата. Образ автобиографический, и вместе с тем Астафьев здесь достигает очень высокой степени обобщенности изображения – общенационального масштаба, основным средством чего служит язык повествования, насыщенный обценной лексикой и одновременно поэтичный, в котором соединяются стихии комического и трагического, лирического и прозаического. Эта подвижность, многоплановость повествовательной структуры есть воплощение характера народа, носителя этого языка, и свидетельство его жизнеспособности.

Сюжетный и описательный планы повествования раскрывают трагичность судьбы военного поколения. Трагичность, обусловленную не только тяжелыми обстоятельствами жизни военной и мирной, но и неизбежностью памяти о войне, от которой нельзя отречься. Повесть начинается фразой: «Четырнадцатого сентября одна тысяча девятьсот сорок четвертого года я убил человека. Немца. Фашиста. На войне». В финальной фразе повести, возвращающей нас к началу, появляются существенные дополнения: «Четырнадцатого сентября одна тысяча девятьсот сорок четвертого года я убил человека. В Польше. На картофельном поле. Когда я нажимал на спуск карабина, палец был еще целый, не изуродованный, молодое мое сердце жаждало горячего кровотока и было преисполнено надежд». За этими деталями прочитывается уже подходящая к финалу жизнь того, кто так и остался солдатом, несущим в себе боль и вину военного времени. Между начальной и финальной фразой – рассказ о том, вопреки и благодаря чему этот жизненный путь был пройден, – и слово в авторском повествовании не просто образительно и информативно, оно, как мы сказали ранее, характерологично, служит для создания образа «веселого солдата», героя повести. И автора – Виктора Петровича Астафьева.

ЛИТЕРАТУРА

Дар слова. Виктор Петрович Астафьев: (к 85-летию со дня рождения): Библиографический указатель, статьи / [М-во культуры Краснояр. края, Гос. универс. науч. б-ка Краснояр. края, ГОУ ВПО «Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева»; редкол.: Т.Л. Савельева и др.; сост. Т.П. Медведева и др.]. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. 638 с.

Стародуб: астафьевский ежегодник: Материалы и исследования / Сиб. федерал. ун-т [и др.]; гл. ред. и сост. Г.М. Шленская; ред.-сост. Н.Я. Сакова]. Вып. 1. Красноярск: СФУ, 2009. 251 с.

Творчество В.П. Астафьева в контексте национальной истории и культуры: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юбилею В.П. Астафьева / Редкол.: Т.Н. Садырина (отв. ред.), Л.Г. Самотик, Ю.В. Шароглазова. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2019. 371 с.

Феномен В.П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века: Сб. материалов I междунар. науч. конф., посвящ. творчеству В.П. Астафьева, 7–9 сент. 2004 г. / [Отв. ред. Г.М. Шленская]. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2005. 247 с.

Феномен В.П. Астафьева как регионально-национальное самосознание эпохи: Международная конференция, посвященная 85-летию Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева Красноярск, 27–28 апр. 2017 г. / [Редкол.: А.М. Кова-

лева (отв. ред.), Т.Н. Садырина, О.А. Шереметьева]. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2017. 280 с.

Человек. Природа. Общество: Международная конференция, посвященная 90-летию со дня рождения В.П. Астафьева, Красноярск, 29–30 апреля 2014 г. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2014. 201 с.

REFERENCES

Gift of Word. Viktor Petrovich Astafiev: (to the 85th anniversary of the birth): Bibliographic Index, Articles / Ed. by T.L. Savelieva et al.; Compil.: T.P. Medvedeva et al.]. Irkutsk. Publisher Sapronov. 2009. 638 p.

Starodub: Yearbook of Astafiev: Materials and Studies / Eds.: G.M. Shlenskaya, N.Ya. Sakova]. Issue 1. Krasnoyarsk. Siberian Federal University Press. 2009. 251 p.

V.P. Astafiev's Art Works in the Context of National History and Culture: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 95th Anniversary of V.P. Astafiev / Eds.: T.N. Sadyrina, L.G. Samotik, Yu.V. Shariglazova. Krasnoyarsk. V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University Press. 2019. 371 p.

The Phenomenon of V.P. Astafiev in the Social, Cultural and Literary Life of the late 20th century: Collection of Materials I Int. scientific. conf., dedicated V.P. Astafiev, 7–9 Sept. 2004 / [Chief ed.: G.M. Shlenskaya]. Krasnoyarsk. Krasnoyarsk State University Press. 2005. 247 p.

The Phenomenon of V.P. Astafiev as a Regional-national Identity of the Era: An International Conference dedicated to the 85th Anniversary of V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University. Krasnoyarsk, April 27–28, 2017 / [Eds.: A.M. Kovaleva et al.]. Krasnoyarsk. Krasnoyarsk State Pedagogical University Press. 2017. 280 p.

A Man, Nature, Society: International Conference dedicated to the 90th Anniversary of the birth of V.P. Astafiev. Krasnoyarsk, April 29–30, 2014. Krasnoyarsk. Krasnoyarsk State Pedagogical University Press. 2014. 201 p.

Сведения об авторе:

Виктория Георгиевна Моисеева,
канд. филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Victoria G. Moiseeva,
PhD
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
moisvik44@gmail.com